

Рабочая трибуна — 1992 — 7 марта — с. 8

В Большом

М.О.

«Слышали ль вы?» — такой неприятный вопрос по очереди задают себе Ольга и Татьяна Ларины в самом начале оперы, названной по имени их сельского соседа «Евгением Онегиным». Больше им вместе петь уже не придется. Другие дуэты с более серьезными вопросами займут их сценическую жизнь. А жаль: им, наверное, было что сказать друг другу. Возьмем на себя смелость восполнить этот промах либретто и прямо в антракте организовать прозаический, без музыкального сопровождения дуэт Татьяны и Ольги — солисток Большого театра Марии Гавриловой и Марины Шutowой.

— Маша, с чего началась ваша работа с Борисом Александровичем Покровским над ролью Татьяны?

— Он учил меня улыбаться и все время заставлял худеть. Подходит с сантиметром: «Опять поправилась? Ах, Гаврилова, Гаврилова...» А я и так, как осиновый лист, дрожу: вдруг от роли откажет! И спать ложилась, и вставляла с сантиметром в рукав и с приклеенной улыбкой. А он свое: «Мало, Марья, похудела. Надо еще. И улыбаешься ты что-то вымученно...»

В общем, работа была и творческой мукой, и наслаждением. Все вместе. Борис Александрович дает и спеть, и поиграть. Татьяна тихая, печальная — да. Но что делает в сцене письма! Какое раскрытие! Я очень люблю «Онегина», но представления об опере были, как и у многих, традиционные — «привычка свыше нам дана...» Покровский все взорвал, хотя и

предчувствовал: будущая критика не пощадит его. Но вы, говорил он нам, молодым исполнителям, все равно делайте свое. Как получилось — судить зрителю...

Тут Машу Гаврилову вызвали на сцену. Спектакль этот шел 3 марта. После его окончания овации длились почти пятнадцать минут.

Шutowа тем временем ждала в гримерной своего выхода и отвечать ей пришлось только за себя.

— Ольга — это ваш тип? Марина отреагировала немедленно:

— Она далека от меня. Это не мой характер. Легкость в общении — тут мы схожи. А в остальном я совсем другой человек. Ну а на сцене я — не Марина, а Ольга... Недавно была в Германии. В опере «Трубадур» пела Азучену. Газеты писали, что Шutowа делает образ демоническим...

— И это говорит простушка с локонами, скромная, послушная, предмет воздыханий поэта... Истину, вам писали стихи в альбом, как Ленский Ольге?

Дуэт

Ольги и Татьяны

специально для

«Рабочей

трибуны»

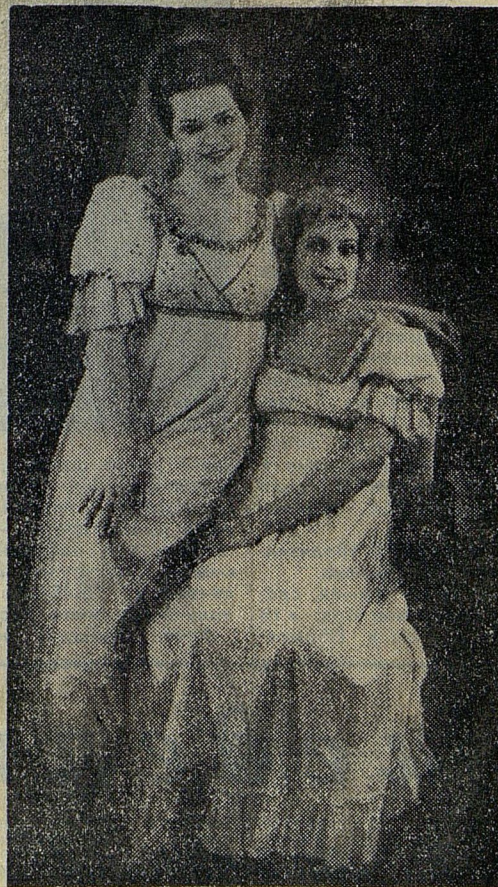
— Ах, если бы! Были в моей жизни поэты, но — замороченные, а вот профессионал, к сожалению, ни один не попался.

— На сцене у сестер небогатый выбор: Ленский, Онегин. Кого из них вы предпочли бы в жизни?

— Ни того, ни другого. Только мягкий, нежный, лиричный — не по мне. А сдержанный, решительный, бесконечно мужественный — это уж совсем страшно. Упаси господь! Я бы выбрала нечто среднее.

— А в жизни вы с мужчинами не поступаете, как Ольга: то Ленский, то его приятель. Вы так же готовы изменять мужчинам?

— Какое там! Некогда не то что изменять, общаться некогда. Я не синий чулок, но, чтобы добиться в искусстве высот, надо много ему отдавать. После большой партии я, например, дня два отсутствую. Меня — нет. Эмоционально я не существую.

Онегина давали

— Вы не завистливы? Как пережили, что Татьяна высочила за генерала, а вас увез улан без имени, без роду?

Марина рассмеялась точно так, как она это делала полчас назад на сцене. А еще говорит, что Ольга от нее далека.

— В опере мне не дали высказать все, что я думаю на этот счет. Да и к тому же старшей сестре надо уступить... Ну а если говорить серьезно, то я не завистлива, хотя среди людей искусства подобное качество нередкое. А я ловлю себя иногда на мысли, что я не завистлива, и радуюсь. Конкуренция, естественно, существует. И это хорошо, помогает расти, заставляет ходить на цыпочках, пока сил хватает...

Маша Гаврилова, которую только что отчитал недальновидный Онегин, вернулась в гримерную, не растеряв — слава Богу — своих напрасных, по мнению Евгения, совершенств. — Вас не огорчила отповедь?

— Что вы! Онегин — не герой моего романа. Он холоден, рассудителен, а я люблю тепло.

— Но в последнем действии вы с ним поменялись ролями, и уже он стал словно бы Татьяной...

— Это он притворялся. Артист все-таки...

И Маша лукаво улыбку. Наверное, так, как учил суровый Покровский.

— Маша, а в жизни вам приходилось говорить, как Татьяна?

не: «...открылись очи: она сказала: это он!» Его, случайно, не Евгением зовут?

— Нет. Он — Вадим, мой муж. Учится в консерватории. Баритон. Признает только соки, о куреве даже не говорю. Представляете, каждое утро делает зарядку. Кошмар! Но муж — идеальный.

— У Пушкина, помнится, Татьяна «любила на балконе предупреждать зари восход...»

— Какой балкон, какой восход! Я поспать люблю...

— Простите, но как вы все-таки худели? Это интересно не только накануне 8 Марта.

— О-о, господи!.. Ни хлеба, ни сахара. После 18.00 никакой еды. А на завтрак Вадим приучил есть геркулесовую кашу, сваренную на воде. Противно, но ем. Конфеты? Что вы! Как можно. ...А иногда так хочется вкусно поесть — смерть просто. Ведь правда, чтобы голос звучал, надо хорошо поесть?

Маша посмотрела своими черными глазами, ожидая поощрения своей слабости и, не дождавшись, вздохнула:

— Никто не пожалеет... И правильно! 15 марта у нас в Большом будет вечер, посвященный творчеству Галины Вишневской. Мне петь одну из татьянинных сцен. Но решили, что я должна это делать в том самом платье, в котором когда-то пела Виш-

невская. А она была стройненькая. Так вот, заталкиваю меня в это платье. Застегнула — и все, я поняла: или платье — или петь, две нагрузки не выдержать. А мне говорят: вот позовем Бориса Александровича, он расскажет, как совместить и то, и другое. Нет уж, думаю, лучше я сама...

— 8 Марта для вас обеих — все-таки праздник или уже нет?

Маша: — Конечно! Я испекла свой любимый пирог с курагой. А потом с Вадимом пойдем в театр. Хотелось бы в Вахтангова...

Марина: — Разумеется, праздник. У меня, как и у Маши, есть свое фирменное блюдо — торт «Медовик». 8 Марта будем отмечать в семейном кругу: мама, сын. Он хорошо рисует, выкидает по дереву — так что подарок обеспечен. И вообще он мой дружок...

Здоровья вам, сестры Ларины на сцене и чудесные милые женщины в жизни — Маша Гаврилова и Марина Шutowa. Счастья, творческих удач. И тонкой талии, как того неукоснительно требует сам Покровский.

Дуэт пыталась озвучить Лариса МИШИНА.

На снимке: Мария Гаврилова (слева) и Марина Шutowa, на сцене — Татьяна и Ольга.

Фото Евгения ГРАБИЛИНА.